

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2009 г.

Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. Санкт-Петербург: «Наука», серия «Литературные памятники», 2007. 641 с.*

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930) – известный поэт Серебряного века, первый русский ассириолог широкого профиля (блестящий шумеролог, аккадист, хеттолог), замечательный издатель клинописных текстов, талантливый поэт-переводчик шумерских и аккадских поэтических произведений.

В.К. Шилейко (далее – Ш.) создал антологию переводов шумерских и аккадских текстов, которую назвал «Ассиро-вавилонский эпос» (далее – «А.-В. Э.»). Первоначальный вариант «А.-В. Э.» был подготовлен в 1918–1920 годах для основанного А.М. Горьким издательства «Всемирная литература» и – по сохранившимся свидетельствам – был записан рукой А.А. Ахматовой, но остался неизданным. В течение 1920-х годов, по всей видимости, «А.-В. Э.» неоднократно частично изменялся по составу, а к 1931 г. был переведен в машинопись. Местонахождение оригинала «А.-В. Э.» неизвестно. Машинописная копия «А.-В. Э.» долгие годы хранилась в семье Ш., а с 2004 г. находится в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург). Эту копию В.В. Емельянов (далее «издатель» или сокращенно Ем.) обозначает как «рукопись «А.-В. Э.» (с. 514–519, 571–572). В полном объеме она опубликована впервые в рецензируемой книге¹.

Издание фактически состоит из двух частей:

I. Тексты Ш.: 1. «А.-В. Э.»; 2. «Введение к переводу Н. Гумилева»²; 3. Статья Ш. «Паломничество Гильгамеша»; 4. Три пьесы Ш.

II. Приложения: 1. Переписка по поводу издания книги В.К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос»; 2. Статья В.В. Емельянова «В.К. Шилейко и его “Ассиро-вавилонский эпос”»; 3. Раздел «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко», составленный Т.И. Шилейко и А.В. Шилейко; 4. Библиография В.К. Шилейко; 5. Примечания; 6. Список сокращений; 7. Список иллюстраций; 8. Указатель имен собственных и географических названий.

К достоинствам издания стоит отнести:

I. Описание состава архива Ш., к сожалению, очень краткое (с. 468–469, прим. 2)

II. Дополнительные публикации:

1. Ранее не издававшиеся работы Ш.: статья «Паломничество Гильгамеша» (с. 368–373); его предисловие к переводу «Хождение Иштар», предназначавшегося для литературного журнала

* Рецензия с учетом замечаний была рекомендована к печати 4 июня 2008 г. на заседании сектора Древнего Востока СПбФ ИВ РАН с участием М.А. Дандамаева, И.Т. Каневой, И.Н. Медведской, В.А. Якобсона и Н.О. Чехович, при участии сотрудника Гос. Эрмитажа В.К. Афанасьевой, а также сотрудников кафедры истории стран Древнего Востока восточного факультета СПбГУ Н.В. Козыревой, И.В. Богословской, И.С. Ключкова и А.В. Немировской.

¹ В архиве СПбФ ИВ РАН хранится еще одна машинописная копия «А.-В. Э.» (с. 513, 515, 577). Она значительно меньше копии, хранящейся в РНБ, но в ней сохранились некоторые тексты, отсутствующие в последней. При публикации Ем. использовал и эту копию.

² *Гильгамеш. Вавилонский эпос* / Перевод Н. Гумилева. Введение В. Шилейко. СПб., 1919.

«Аполлон» (с. 591–592); три пьесы Ш. (пьесы «Лугальбанда и Зу» и «Адапа» представляют собой композиции из отдельных переводов Ш., а третья – «Иеремия» – это собственно подробный план трагедии, написанной на библейский сюжет, с. 401–439).

2. Переписка по поводу издания книги В.К. Шилейко «Ассирио-вавилонский эпос».

3. Раздел «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко», составленный Т.И. Шилейко и А.В. Шилейко.

4. Подробная библиография В.К. Шилейко.

III. Сведения об изданиях текстов, переводы которых включены в «А.-В. Э.» (даны в комментариях к переводам Ш.)³.

IV. Приятное впечатление оставляют иллюстрации, некоторые из них публикуются впервые.

Основной целью издания была, очевидно, публикация рукописи «А.-В. Э.». Издатель дает ей такую общую характеристику: «Содержание рукописи не соответствует ее заглавию. Помимо эпических произведений, составляющих меньшую часть корпуса, в ее составе также есть предсказания (большая часть рукописи), гимны, заклинания, молитвы, колыбельная песня, фрагменты плачей, погребальные песнопения, ритуальные тексты и царские надписи. В состав рукописи также входит средневековый мандейский текст. Возможно, что отказ издательства от ее публикации при жизни переводчика был обусловлен хаотическим состоянием самого предлагаемого текста, в котором все смешивалось со всем, где-то давался комментарий, а где-то он вовсе отсутствовал» (с. 572).

При публикации рукописи издателем был изменен авторский порядок следования текстов: «В настоящем издании тексты расположены по языку (шумерские и аккадские) и по хронологии. За основу рубрикации взяты немецкие и французские антологии 1910–1920-х годов, в которых тексты распределены по четырем основным рубрикам: исторические надписи, литературные тексты, магические тексты, записи ритуалов и предсказаний. В нашем издании тексты выделены в три рубрики “Царские надписи”, “Литературные тексты”, “Религиозные тексты”» (с. 578). Однако предложенная издателем рубрикация не всегда удачна. Так, в шумерские «Царские надписи» без необходимого для читателя-неспециалиста комментария включены надписи правителей, носящих два разных титула: *lugal* (этот титул Ем. сходу переводит как «царь») и *ensi* (этот титул Ем. оставляет без перевода). Одни псалмы рассматриваются как литературные тексты (с. 79–83), другие – как религиозные (с. 136–144).

Издатель позволил себе внести изменения и в сам авторский текст Ш.: «Особую проблему представляют устаревшие чтения имен собственных и топонимов. В случаях, когда исправление не влияет на ритмику стихотворного перевода, они заменяются на современные. Во всех других случаях оставляются устаревшие чтения, а современные оговариваются в примечаниях. Шумерские имена собственные приводятся в соответствии с современными чтениями, но без учета назализации (Утухегаль, а не Утухенгаль)» (с. 578).

Более того, издатель в ряде случаев заменил авторское прочтение и перевод отдельных слов на свое собственное. Так, чтение Ш. (фактически познаковое чтение) «патеси» – на «энси» (с. 580, прим. 1), «король» – на «царь» (с. 582, прим. 3), «маллур» – на его перевод «помещение для стрижки овец» (с. 582, прим. 4), выражение «предводитель страны» – на «глашатай» (с. 584, прим. 26), выражение «Таблица судеб» – на «Божьи Книги Судьбы» (с. 596, прим. 1) и др.

Такое отношение к авторскому тексту противоречит позиции самого Ш., которая приводится издателем. Когда после смерти Н.С. Гумилева в связи с намечавшимся переизданием его перевода «Эпоса о Гильгамеше» Ш. предложили переделать перевод, он отказался, «...сказав, что в книге мертвого человека ничего менять нельзя» (с. 507).

На с. 572–576 дается «Таблица соответствий между страницами рукописи и современными публикациями ее фрагментов». К сожалению, в ней не указаны соответствующие страницы по данному изданию, а ведь в нем не только изменен порядок следования текстов, но иногда изменены авторские названия текстов. Так, «Конусы Урукагины» и «Плач по Лагашу» в «А.-В. Э.» объединены у Ем. под названием «Надписи Урукагины, энси Лагаша» (с. 18–25), «Ниниб» в «А.-В. Э.» – «Нинурта» в издании Ем. (с. 373–377) и др.

Если изменение порядка следования текстов еще может быть как-то оправдано, то вторжение в сам авторский текст Ш., по нашему мнению, не оправдано вовсе. Это противоречит самой

³ В рукописи «А.-В. Э.» нет библиографии (с. 515). Доподлинно известны издания текстов, переводы которых Ш. успел опубликовать. И.М. Дьяконов отмечал, что трудно установить, откуда взял Ш. гимны и заклинания: их «...издана тысяча, издания разбросаны по журналам и т.п., и найти их очень трудно» (с. 512). Возможно, атрибуция Ем. верна.

цели данного издания, коль скоро его автором указан В.К. Шилейко, труды которого отражают определенный период в истории ассириологии и являются важнейшей вехой в науке. Современные чтения и переводы, предлагаемые издателем, надлежало бы дать только в примечаниях еще и потому, что, возможно, через какое-то время и они устареют. Вот уже в шумерских именах собственных Ем., например, не учитывает назализацию.

Как уже отмечалось, издание содержит большую статью Ем. «В.К. Шилейко и его “Ассириовавилонский эпос”» объемом в 88 с. (с. 468–555), т.е. это фактически маленькая монография. В ней 11 разделов. Основные сюжеты статьи: 1. Биографические сведения о Ш.: семья; учеба; служба; взаимоотношения с А.А. Ахматовой и В.К. Андреевой-Шилейко, последней женой ученого; сведения о сыне Ш., который помог Ем. перевести рукопись «А.-В. Э.» в электронную форму (с. 515) (разделы I–VII). 2. Научно-педагогическая деятельность Ш. (разделы I, III, IV, VI, VIII, XI). 3. Ш. – поэт; Ш. – переводчик (разделы I, IX, X, XI). 4. История и судьба рукописи «А.-В. Э.» (раздел VI). 5. Ш. в воспоминаниях современников; место Ш. в русской культуре (разделы I, IV, VII, VIII, XI).

В статье есть, по нашему мнению, следующие существенные недочеты. Во-первых, отсутствует четкая композиция: один и тот же сюжет часто затрагивается в нескольких разделах. Это затрудняет формирование целостного представления о той или иной стороне жизни и деятельности Ш. Пафосность и многословие, характерные для стиля статьи, порой затемняют мысль автора. Вот некоторые примеры.

«Шилейко в своем посмертии оказывает все возрастающее влияние – нет, не на идеи и не на формы культуры, но на тончайшие вибрации российской духовности» (с. 468). (Что это значит?) «И если в современном массовом сознании ученый-поэт Вольдемар Шилейко по-прежнему продолжает пребывать в тени Ахматовой, то в сознании творцов культуры он не перестает быть совершенно самобытным явлением, оказавшим значительное влияние как на развитие исторической науки, так и на поэтику своих товарищей – акменстов (А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилева) и М.Л. Лозинского» (с. 469). (Кто подразумевается под носителями массового сознания и под творцами культуры?) «Последние годы он (Ш. – Г.К.) приберег для себя, желая оторваться от всеобщего бытия. Уехал в Москву, женился, в 1927 г. родился сын» (с. 471). (Вряд ли перечисленные события жизни Ш. можно назвать «отрывом от всеобщего бытия».)

Во-вторых, совершенно недостаточное внимание уделено научной деятельности Ш.: из имеющихся 36 работ Ш.⁴ издатель по неясной причине рассматривает с разной степенью подробности и не всегда в основном тексте только 9 (с. 482, 490–491, 528–534). Думается, что обзор всех научных трудов Ш.⁵ был бы в данном издании гораздо полезнее⁶, чем пространные рассуждения Ем. о Серебряном веке русской культуры, о развитии гуманитарной науки в России и т.п. (с. 468–474), а также многочисленные перепечатки из вполне доступных изданий⁷ воспоминаний о Ш. или же материалов о его взаимоотношениях с А.А. Ахматовой и В.К. Андреевой-Шилейко (с. 491–506, 521–526). Совершенно надуманной проблеме посвящен раздел XI (с. 553–555), в котором издатель пространно обсуждает вопрос, почему Ш. можно называть гением. Выдающиеся работы ученого-клинописника говорят о нем гораздо красноречивее, взять, например, инвентарь глиняных

⁴ В это число входят 33 прижизненные публикации (перечень на с. 564–566), две статьи, опубликованные в данном издании (с. 368–373, 591–593), и инвентарь глиняных табличек из ГМИИ им. А.С. Пушкина, составленный Ш.

⁵ Есть хорошие образцы такого обзора: *Грибов Р.А.* Из истории русской ассириологии. В.К. Шилейко (1891–1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. 1968. Вып. II. С. 94–99; *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.). М., 1961. С. 54–58, 61, 66, 75. Но эти обзоры охватывают не все публикации Ш., так как Постовская была ограничена временными рамками, а Грибов, по-видимому, – листажом.

⁶ В примечаниях к мандейскому тексту, переведенному Ш., издатель пишет: «По мнению консультанта данного раздела М.В. Тарелко (Минск), перевод сделан не с мандейского оригинала, а с немецкого перевода». Обоснования не приводятся (с. 613). Если бы Ем. сделал полный обзор работ Ш., он осторожнее относился бы к таким утверждениям. Ш. прекрасно разбирался во многих семитских языках, в том числе и в мандейском; см. *Шилейко В.К.* Заметки по семитической эпиграфике // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. I. С. 103–110.

⁷ См. *Шилейко В.* Пометки на полях. СПб., 1999; Владимир Шилейко. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003; и др.

табличек ГМИИ, составленный Ш., о котором Ем. упоминает лишь вскользь (с. 470, 495, 526). Этот инвентарь включает 1352 клинописных документа, предварительно прочитанных, переведенных и откомментированных Ш.⁸ А.П. Рифтин считал, что «...инвентарь В.К. Шилейко – это часто не инвентарь, а образцовое издание трудно читаемых текстов»⁹.

В-третьих, в архиве Ш. сохранилось 18 писем крупнейших зарубежных ассириологов: Ф. Тюро-Данжен (6), А. де ла Фюи (5), Э. Вейднер (1), К. Бецольд (3), А. Гетце (1), Ааге Шмидт (2)¹⁰. Эта переписка – ценное свидетельство важнейшего этапа становления отечественной ассириологии, указывающее на место Ш. среди его зарубежных коллег. Издатель опубликовал с купюрами лишь четыре письма Тюро-Данжена (с. 480–482) и четыре письма А. де ла Фюи (с. 482–486), вместо того чтобы опубликовать целиком все письма вместе с черновиками писем Ш. к Вейднеру, которые также хранятся в архиве (с. 478, прим. 6). Публикация этого нового, актуального для данного издания материала была бы несомненно обоснованнее, чем почти дословное повторение в разделе X (с. 539–552) другой статьи Ем., которая во время подготовки издания «А.-В. Э.» была уже отослана в ВДИ¹¹.

В-четвертых, приступая к характеристике переводов Ш., Ем. приводит слова Вяч. Вс. Иванова: Шилейко «первому удалось найти способ ритмически точной передачи аккадского стиха с помощью русского дольника, в котором ведется счет числу ударений, но допускается значительное разнообразие в числе безударных слогов между ударениями. Такой стих выработан в русской поэзии начала XX в., и здесь Шилейко принадлежит значительное открытие: он первым (а за ним – все последующие переводчики) использовал этот новый в русской поэзии размер в переводах с аккадского, что придало им ритмическую новизну при максимальном приближении к ритмам подлинников» (с. 535; цит. по работе Иванова). Издатель вторит Иванову: «В области художественного перевода Шилейко совершил подвиг, равный подвигу Н.И. Гнедича, когда стал переводить шумеро-аккадские литературные тексты в близком метрическом соответствии с оригиналом» (с. 553). К сожалению, Ем. никак не продемонстрировал это достижение наглядно. Один раз он попытался сравнить перевод Ш. с оригиналом, сопоставив неоднократно публиковавшийся стихотворный перевод Ш. «Скорбь, как воды речные...» с его аккадским эквивалентом (текст написан на шумерском и аккадском языках, с. 541–543), и пришел к выводу, что в данном переводе используется четырехстопный анапест, а аккадский текст «состоит из строк разной длины, количество ударных слогов в строках весьма различно, и при всем желании здесь нельзя выявить какого-либо размера» (с. 547–548). Этот текст относится к специфическому жанру заговора, а для сравнения имело смысл взять литературный (эпический) текст, причем Ш. сам подсказал, какой: «Хождение Иштар» (с. 101) или «Эпос о Гильгамеше» (с. 357–358).

В-пятых, по существу отсутствует оценка «А.-В. Э.». Издатель провозглашает, что «переводы Шилейко живут и будут живы всегда» (с. 472), но освещает только формальную сторону дела, как то: история рукописи, рубрикация, степень подготовки к печати (с. 507–519, 571–572). В результате не очень понятна собственно мотивация предпринятого издания. Можно было, например, привести емкое и содержательное заключение Вяч. Вс. Иванова: «Замечательный русский ученый В.К. Шилейко был первым, кто перевел всю ему известную совокупность древнемесопотамских поэтических текстов с оригинала на русский язык. Тогда, в 20-е годы, аналогичных собраний переводов на новых европейских языках не было. Они появились ближе к нашему времени. Но ни одному из подобных европейских изданий не удалось воплотить такого соединения одаренности переводчика с научным проникновением исследователя, которое было уникальным свойством Шилейко. Поэтому, несмотря на значительные собственно филологические достижения переводчиков новейшего времени, поэтические результаты В.К. Шилейко остались непревзойденными»¹².

⁸ Грибов. Ук. соч. С. 99; Иванов Вяч. Вс. В.К. Шилейко. Очерк творчества // Памятники и люди. М., 2003. С. 76–77.

⁹ Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 366.

¹⁰ Шилейко Т.И., Шилейко А.В. «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко» (с. 556–563).

¹¹ Емельянов В.В. «Скорбь, как воды речные...»: текст и перевод // ВДИ. М., 2007. № 3. С. 67–86. Здесь Ем. пишет: «В настоящее время рукопись («А.-В. Э.» – Г. К.) подготавливается автором этой статьи к изданию в серии “Литературные памятники”» (с. 69, прим. 6).

¹² Иванов Вяч. Вс. О поэзии древнего Двуречья // Выходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В.К. Шилейко. М., 1987. С. 14–15.

К сожалению, в статье Ем. немало недостоверных сведений, необоснованных утверждений, противоречивых оценок. Приведем лишь некоторые примеры.

Ем. пишет: «С 26 августа 1909 г. он (Ш. – Г.К.) уже числится студентом по этому экзотическому отделению, которое <...> официально называлось “еврейско-арабско-сирийским разрядом” <...> Основал эту специальность еврей Д.А. Хвольсон – блестящий знаток библейской экзегезы и арамейских надписей, прославившийся своей монографией о жизни североиракской секты сабиев (...) К сожалению, до нас не дошли студенческие конспекты Шилейко, зато дошел перечень курсов и спецкурсов, из которого можно узнать о программе еврейско-арабско-сирийского разряда в 1909–1914 гг. (...) В перечне спецкурсов отсутствует арамейский язык (с сирийским как его разновидностью), так что остается неизвестным, читал ли его Коковцов¹³ в эти годы» (с. 475–476). Ссылок у Ем. нет, а между тем здесь – ряд неточностей. На самом деле в 1909–1914 годах Коковцов преподавал сирийский язык¹⁴. В 1911–1912 уч. г. он читал курс «Семитическая эпиграфика», в котором изучались и арамейские надписи¹⁵.

Что касается Даниила Абрамовича Хвольсона (1819–1911), то он, сын бедного еврея-торговца, при рождении получил имя Иосиф, которым и подписан его первый печатный труд. При крещении Хвольсон был назван Даниилом. В 1855 г. уже известный семитолог, доказавший, что «сабии» Корана – это вавилонские гностики (мандеи), Д.А. Хвольсон занял кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности на факультете восточных языков Императорского С.-Петербургского университета. Среди его учеников был и П.К. Коковцов. Хвольсон принимал самое деятельное участие в переводе на русский язык библейских ветхозаветных книг, тем самым содействуя подготовке Синаодального перевода Библии. В своей известной книге¹⁶ он, профессор университета и Духовной Академии, чл.-кор. Императорской Академии наук, «...счел нравственным долгом возвысить свой авторитетный голос в защиту еврейского народа от нелепого обвинения в употреблении христианской крови для ритуальных целей». Это обвинение (так называемый «кровавый навет») не раз служило поводом для еврейских погромов в России¹⁷.

Ем. сообщает: «Студент (Ш. – Г.К.) влюбился в шумерский язык, но П.К. Коковцов никакого шумерского языка не признавал, вслед за И. Галеви считая его тайнописью вавилонских жрецов. Коковцов был одинокий человек строгих правил, убежденный филолог и никаких занятий, кроме лингвистики и описания рукописей не одобрял». При этом издатель ссылается на работы о Коковцове И.Ю. Крачковского и В.В. Струве (с. 476)¹⁸, но трактует их, мягко говоря, вольно.

Вот что пишет Крачковский о научных интересах и человеческом облике Коковцова в статье, на которую ссылается Ем.: «В своей области – области семитологии (...) он более полвека являлся у нас достойным и единственным представителем всех ее отраслей (...) История и археология были близки ему не менее, чем язык, литература и философия (...) Будучи типичным кабинетным ученым, П.К. Коковцов чувствовал себя всегда и общественным деятелем. Многие из студентов бывшего факультета восточных языков могли поселиться в Петербурге и получить специальное образование только благодаря его энергичному заступничеству. История нашего общественного

¹³ Акад. Павел Константинович Коковцов (1861–1942), крупнейший русский семитолог, преподавал Ш. различные семитские языки, в том числе аккадский; см. *Грибов. Ук. соч. С. 94.*

¹⁴ Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1909 года и в весеннем полугодии 1910 года. СПб., 1909. С. 11. Те же сведения см.: Обзорения, опубликованные в 1910 г. (с. 12), 1911 г. (с. 13), 1912 г. (с. 16), 1913 г. (с. 16).

¹⁵ Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков... СПб., 1911. С. 13.

¹⁶ *Хвольсон Д.А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. Второе, совершенно переработанное издание. СПб., 1880.*

¹⁷ *Коковцов П.К. Д.А. Хвольсон. 1819–1911. Некролог // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1911. С. 741–750 (цит. с. 746).*

¹⁸ *Крачковский И.Ю. П.К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861–1942) // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.–Л., 1958. Т. V. С. 416–427; Струве В.В. П.К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. 1953. VIII. С. 3–9.*

развития не должна забывать его полных гражданского мужества слов на печальной памяти процессе Бейлиса¹⁹ в 1913 г.»²⁰.

Действительно, существование шумерского языка Коковцов долго не признавал, спорил с первым русским шумерологом М.В. Никольским и с Ш., но с течением времени, еще при жизни Ш., изменил свою точку зрения. В некрологе И. Галеви, который Коковцов написал с большим запозданием для того, чтобы «...уделить в нем место ближайшему рассмотрению аргументации Галеви (...) и по так называемому “сумерийскому” вопросу», Коковцов приходит к выводу, что «...в вопросе о реальном существовании сумерийского языка и сумерийского народа Галеви не удалось отстоять своего мнения и убедить противников в том, что язык так называемых сумерийских текстов представляет в действительности только иной, аллографический способ передачи семитического ассирио-вавилонского языка»²¹. Струве в упомянутой статье особо подчеркивает этот вывод Коковцова²².

Имя, вероятно, только самые общие представления о круге интересов Александра Павловича Рифтина (1900–1945), издатель позволяет себе весьма поверхностно и небрежно судить о научном потенциале виднейшего отечественного ассириолога и педагога. Рассуждая о том, что Ш., не привлекая никого из коллег, не мог справиться с текстологией и реальным комментарием к переведенному им корпусу текстов, Ем. замечает: «Никого из коллег в России и не было. Ученик Шилейко А.П. Рифтин не мог быть помощником в этом деле, поскольку занимался юридическими текстами и сравнительным языкознанием» (с. 519, прим. 34). При этом какие-либо ссылки отсутствуют.

Между тем Крачковский писал о Рифтине: «Уже в первые годы здесь (в студенческой аудитории. – Г.К.) сказались вся его оригинальность как ученого, широта кругозора, позволившая быстро ориентироваться на пролагаемом по целине пути (...) Работу над коллекцией Н.П. Лихачева А.П. начал на студенческой скамье и с неустанным терпением и настойчивостью продолжал до последних дней, постепенно расширяя свои исследования и на другие наши коллекции, главным образом Государственного Эрмитажа и Московского музея изящных искусств (...) Вводя в обиход науки новый материал, он всегда старается в немногословном комментарии анализировать его всесторонне, не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении»²³. Образцовая монография Рифтина «Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР» (М.–Л., 1937) давно вошла в круг источников основных аккадских словарей²⁴. Его интересовали как вопросы общего и сравнительного языкознания, так и отдельные проблемы шумерского и аккадского языков²⁵. Рифтин приложил немало усилий для создания в ЛГУ кафедры семитских языков и литератур и возглавил ее. На впервые созданном ассириологическом отделении этой кафедры он читал введение в ассирио-вавилонскую филологию, курсы шумерского, аккадского и хеттского языков, вавилонскую литературу и спецкурс по вавилонскому праву. Именно из ассириологической школы Рифтина вышли И.М. Дьяконов (1915–1999) и Л.А. Липин (1908–1970), непосредственные учителя большинства ныне действующих отечественных ассириологов. Несколько лет Рифтин был деканом филологического факультета ЛГУ²⁶.

¹⁹ В 1911–1913 годах в Киеве проходил получивший широкий резонанс в России и за рубежом, сфабрикованный судебный процесс по обвинению мещанина Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве мальчика-христианина А. Ющинского и закончившийся оправдательным приговором суда присяжных. На процессе Коковцов был одним из экспертов и, как говорилось в полицейской депеше, дал заключение «...исключительно благоприятное для защиты, восхваляя догматы еврейской религии, не допуская даже возможности совершения ими религиозных убийств» (Дело Бейлиса: исследования и материалы. Москва–Иерусалим, 1995. С. 267).

²⁰ Крачковский П.К. Коковцов в истории русского востоковедения... С. 416–417.

²¹ Коковцов П.К. Иосиф Галеви. 1827–1917. Некролог // Известия Академии Наук СССР. 1926. Т. XX. VI сер. № 15–16. С. 1417–1444 (цит. с. 1417, прим. 1 и с. 1442).

²² Струве. Ук. соч. С. 7.

²³ Крачковский И.Ю. Памяти ученика // Уч. зап. ЛГУ. № 69. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 3–7.

²⁴ Soden W. von. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965–1981 (АНW); The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956– (CAD).

²⁵ Берков П.Н. Аннотированный список печатных трудов А.П. Рифтина (1900–1945) // Уч. зап. ЛГУ. № 69. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 12–14.

²⁶ Берлев О.Д., Грибов Р.А. Египтология и ассириология в Ленинградском университете // Востоковедение в Ленинградском университете. Уч. зап. ЛГУ. № 296. Сер. востоковедческих наук. Вып. 13. 1960. С. 170–171.

Весьма противоречивые оценки дает Ем. самому Ш. С одной стороны, нередко называет гением (с. 472 и др.), относит к «плеяде титанических фигур» (с. 473), правда, иногда несколько фамильярно называет его «наш герой» (с. 487 и др.), отмечает, что Ш. «помнят и чтут ассириологи всего мира, его не забыли потомки русских эмигрантов» (с. 468–469, к сожалению, отсутствуют какие-либо ссылки). С другой стороны, утверждает, что современники Ш. оценивали его заслуги несколько иначе. По мнению Ем., письма французских ассириологов к Ш. показывают, что «...западные коллеги проявляли интерес не к концепциям и гипотезам российского специалиста (нередко представавшим в виде “изобретенного велосипеда” (?! – Г.К.)), а к памятникам древней культуры, хранившимся в российских частных собраниях» (с. 487). Далее в примечании читаем: «Обращение к текстам этих писем позволяет опровергнуть легенду, вышедшую из уст Ахматовой (...): “Он был очень талантлив, еще студентом он получил открытку от выдающегося французского ученого: “...нам скоро придется изучать русский язык в связи с Вашими работами” (...) В семье Шилейко также было принято рассказывать о восторженных отзывах Тюрю-Данжена по поводу познаний В.К. Шилейко (...) Что же касается слов о том, что французы будут изучать русский язык для чтения работ Шилейко, то (...) все обстояло прямо противоположным образом: чтобы быть понятым коллегами, Шилейко должен был печататься только на европейских языках. Никаких восторгов по поводу познаний Шилейко его французские корреспонденты не высказывали (...) Даже в соболезновании, присланном В.К. Андреевой-Шилейко, Тюрю-Данжен отзывается о заслугах ее супруга беспардонно и скупо...» (с. 487, прим. 9).

Поводом для всех этих рассуждений Ем. явилось то, что, судя по письмам французского ассириолога А. де ла Фюи, гипотеза относительно последовательности правителей шумерского г. Лагаша от Энентарзи до Урукагины была одновременно выдвинута как Ш., так и самим А. де ла Фюи, а последовательность правления царей от Лугальзагеси до Шаркалешарри была установлена Тюрю-Данженом раньше, чем это сделал Ш. (с. 482). Но из этого необязательно делать вывод, что западные ученые не проявляли интерес к концепциям и гипотезам Ш. Зная, как плохо поступает в Россию литература по ассириологии (с. 482–484), у них, скорее, могло вызвать удивление то, что Ш. сумел прийти к аналогичным выводам. Ем. сам писал, что Тюрю-Данжен «высоко оценивает шумерологические познания Шилейко» (с. 479). Соболезнование Тюрю-Данжена действительно беспардонно и немногословно, но оно небанально и искренне: «Мы испытывали глубокое уважение к работам Вашего оплакиваемого супруга, который с честью представлял в области ассириологии русскую науку, – его уход оставил пробел, который мы все живо ощущаем» (с. 487, прим. 9). Фр. Делич, выдающийся немецкий ассириолог, современник Ш., в одном из писем к русскому египтологу О. Лемму писал, что надеется найти время для изучения русского языка, чтобы самостоятельно читать русские работы (письмо находится в печати. – Г.К.). Возможно, и корреспондент Ш., о котором рассказывала Ахматова, желал того же.

Издатель неоднократно отмечает большие заслуги Ш. перед наукой и культурой: «Он (Ш. – Г.К.) не перестает быть совершенно самобытным явлением, оказавшим значительное влияние как на развитие исторической науки, так и на поэтику своих товарищей – акмеистов...» (с. 469). «Шилейко-филолог дал множество образцовых изданий древних памятников, позволивших коллегам на их основе делать точные переводы и историко-теоретические обобщения. Шилейко-культуролог обогатил своими идеями сравнительное литературоведение и историю культуры, существенно повлияв на русских структуралистов. Шилейко-поэт повлиял своим присутствием, своими спорами и консультациями на поэтику и лексику больших мастеров литературы Серебряного века. Шилейко-переводчик избрал язык и стиль русских переводов с клинописных языков, совершив подвиг, подобный подвигу Н.И. Гнедича, давшего образец русскоязычного Гомера. Все эти аспекты его влияния многократно анализировались специалистами в каждой области» (с. 528; жаль, что нет никаких ссылок). «Шилейко читал шумерские тексты в ту “детскую” пору ассириологии, когда не существовало ни словарей, ни грамматик шумерского языка²⁷ (...) в условиях той эпохи максимально правильные чтения и переводы могли давать только истинные гении филологии» (с. 553).

С этими восторженными высказываниями явно диссонирует неожиданно нелестное мнение Ем. о научных возможностях Ш.: «Можно с большой долей вероятности полагать, что комментарий к данному корпусу («А.-В. Э.» – Г.К.) был неподъемен для Шилейко как в силу его нежелания обращаться к сложным текстологическим материям, так и вследствие недостаточной подготовки

²⁷ Справедливости ради отметим, что был словарь: *Delitzsch Fr. Sumerisches Glossar*. Lpz, 1914; были и грамматики, см. *Канева И.Т. Шумерский язык*. СПб., 2006. С. 9.

в области послешумерской истории Месопотамии. Впрочем, есть и третье объяснение – поэтическая натура переводчика, его интерес ко множеству мелких тем и нежелание сосредоточиться на одной большой работе» (с. 519).

Факты свидетельствуют об обратном. Во-первых, Ш. живо интересовался вопросы текстологии. Например, в предисловии к поэме «Хождение Иштар» Ш. пишет об истории текста. Он сообщает, что изданы две редакции поэмы, и высказывает предположение, что они восходят к более раннему подлиннику (с. 99). После смерти Ш. это подтвердилось²⁸. Во-вторых, еще в начале своей научной деятельности Ш. написал большую энциклопедическую статью «Вавилония», в которой достаточно подробно описал историю Южной Месопотамии от шумерского периода до первых веков н.э.²⁹ В-третьих, ко времени создания «А.-В. Э.» Ш. уже написал замечательную монографию «Вотивные надписи шумерийских правителей» (Пг., 1915), за которую был награжден большой серебряной медалью Русского Археологического общества и которую сам Ем. высоко оценивает (с. 528–530). Эта работа – образцовое издание 35 шумерских надписей. Им предшествует обширное введение, которое, по мнению, И.М. Дьяконова, было одним из лучших исследований по истории Шумера, сохранявшим свое значение многие десятилетия³⁰. Об одной из последних работ ученого, инвентаре глиняных табличек ГМИИ, впечатляющем и по объему, и по содержанию, уже говорилось выше.

Если бы от Ш. потребовался комментарий к «А.-В. Э.», а здоровье и жизненные обстоятельства позволили бы ему сделать это, то нет никаких оснований сомневаться в том, что ученый такого масштаба справился бы с этой задачей.

Пустившись в крайне странные рассуждения о том, что Ш. вовремя умер, Ем. утверждает: «Не было в нем веры Лосева, духовной стойкости Проппа и Бахтина, не было и изворотливости Шкловского. Озадачить себя большой работой на долгие годы, как Лозинский, Шилейко также не смог бы. По складу ума он был аналитик и миниатюрист, широкие полотна создавать не умел, методично и долго работать над большой вещью не мог. Нужно признать, что смерть тоже имеет свою логику» (с. 526).

Причем тут логика смерти?! От холода, голода и чахотки (с. 522, 524) в 39 лет умер «талантливейший и лучший»³¹ отечественный ассириолог, осталась одна в трудное время его жена с четырехлетним сыном. К чему все эти досужие рассуждения и обидные бездоказательные утверждения?!

Ем. считает, что «...после 1917 г. Шилейко перестает интересоваться вопросами социальной истории (хотя продолжает публиковать тексты политико-экономической тематики до середины 20-х гг.)». С этих пор, по мнению Ем., Ш. перестает быть «...исследователем, потому что глубоко не интересовался социальной действительностью, стоящей за текстом» (с. 530–531).

Чтобы сделать такое заявление, необходим был анализ соответствующих публикаций Ш., но издатель даже не дает их обзора! А ведь в этих своих работах Ш. приводит транслитерации, переводы, часто автографии текстов на шумерском, аккадском, хеттском, древнеперсидском языках, написанных разными видами клинописи. Некоторые из текстов фрагментированные, т.е. особенно трудные для прочтения и интерпретации. Палеографическая и филологическая работа со всеми этими текстами – уже глубокое исследование³²; недаром статья с публикациями староассирийских табличек³³ вошла в круг источников САД (см. прим. 24).

Большое внимание издатель уделяет обсуждению вопроса о том, почему рукопись «А.-В. Э.» не была опубликована ранее, причем и в этом случае рассуждения Ем. оказываются и противоречивыми, и надуманными. В то время как на одной странице издатель пишет: «Что происходит с ней (рукописью «А.-В. Э.» – Г.К.) в 1920–1930 гг. – совершенно неизвестно» (с. 514), на следующей странице он резюмирует: «В разные годы рукопись нельзя было печатать по разным причинам. В 20-е гг. ее могли не принять из-за плохой подготовки к печати (отсутствие четкой композиции, предисловия, комментариев и библиографии). В материалистические 30-е гг. она

²⁸ Грибов. Ук. соч. С. 99.

²⁹ Шилейко В.К. Вавилония // Новый энциклопедический словарь. СПб. Т. 9. Столбцы 186–217 (выходил после 1910 г.).

³⁰ Дьяконов И.М. Изучение клинописи в СССР за 30 лет // ВДИ. 1947. № 3. С. 43.

³¹ Рифтин А. В. К. Шилейко. 2(14)–II–1891–5–X–1930 // Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете. Л., 1930. С. 1.

³² Иванов. В.К. Шилейко. Очерк творчества... С. 75–76.

³³ Шилейко В.К. Документы из Гюль-тепе // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1921. Т. I. С. 356–364.

была идеологически неактуальна. В 40-е шла война. В послевоенные годы не нашлось специалиста, который смог бы определить источники переводов, указать время и место их публикации и дать хотя бы минимальный ассириологический комментарий к каждой части книги. Камнем преткновения был и спор между семьей Шилейко и любым потенциальным редактором: следовало издавать рукопись в том виде, как она есть, не делая никаких подчисток и подновлений в тексте. Это было неприемлемо для ассириологов младших поколений, которые хотели издать не каноническую рукопись переводчика Шилейко, а корректный перевод клинописного текста, интересный современному читателю» (с. 515–516).

Между тем Ем. приводит только один официальный документ, где излагаются издательские требования к «А.-В. Э.»: «В.М. Алексеев пишет в “Годовом отчете о деятельности коллегии экспертов Восточного отдела “Всемирной литературы” (28 апреля 1919 – 28 апреля 1920 г.)”: В отделе “Вавилоняне и ассирийцы” В.К. Шилейко изготовлен том переводов “Ассиро-вавилонский эпос”, к отдельным частям которого в ближайшем будущем ожидается несколько предисловий» (с. 509; цит. по работе Алексеева). Из документа видно, что после сдачи первоначальной рукописи «А.-В. Э.» ничего, кроме предисловий³⁴, от Ш. не требовали.

Напомним, что в послевоенные годы развернулась деятельность И.М. Дьяконова, одного из крупнейших ассириологов второй половины XX в. Следуя логике Ем., Дьяконов, видимо, тоже не смог бы дать минимальный ассириологический комментарий к «А.-В. Э.»! Каких «ассириологов младших поколений» имеет в виду Ем., не ясно. Но вот как оценивал переводы Ш. Дьяконов: «Мне очень не хотелось бы самому проделывать заново труд (т.е. перевод «Эпоса о Гильгамеше» и поэмы «Энума Элиш». – Г.К.), уже исполненный таким мастером в области как ассириологии, так и стихотворного перевода, как покойный проф. Шилейко. Не имеется ли в оставшихся бумагах его полного перевода этих поэм?» (Из письма к Т.Н. Савельевой, с. 465). «Имело бы смысл хотя бы до них (студентов-ассириологов. – Г.К.) довести содержание замечательной работы Владимира Казимировича» (из письма к В.К. Андреевой-Шилейко, с. 461).

Не могут не удивлять и рассуждения издателя о публикациях европейских ученых: «Можно предположить, что переводчик (Ш. – Г.К.) хотел сделать русскоязычный вариант свода клинописной литературы, подобный двухтомному корпусу П. Йензена или однотомнику П. Дорма (...) В те времена были известны лишь немногие фрагменты больших эпических поэм, поэтому нагнать достаточный книжный объем только за счет литературных текстов было невозможно. Европейские исследователи прибегали к двум способам увеличения объема: во-первых, они помещали перевод вместе с транслитерацией клинописного текста (слева транслитерация, справа – перевод, внизу – построчный комментарий); во-вторых, они разбавляли литературные тексты записями ритуалов и помесячных предсказаний» (с. 517).

Европейские исследователи, конечно, меньше всего думали об увеличении книжного объема, когда работали над транслитерацией и построчным комментарием, так как в научном издании клинописных текстов эти вещи наряду с автографией гораздо ценнее перевода. Наглядным примером этому может послужить строка 66 из заговора, приводимого в статье, которую Ем. переводит следующим образом: «внутри него огонь разжег, рыб его подпалил» (с. 541). Этот перевод неверен, как показывает приводимая самим Ем. транслитерация аккадского варианта заговора: *ina lib-bi-šú i-ša-tu i-šar-rap nu-ni-šú ú-šab-šal*. 1) *bašālu(m)* в породе Š означает «варить», а не «подпалить», см. ANw 111a, где есть сноска на этот текст; 2) глаголы стоят в форме презенса, а основное значение презенса в прошедшем времени – длительное действие, а не однократное (пунктив), GAG³⁵ § 78 e, f; 3) если позволяет контекст, то формы презенса предпочтительнее переводить настоящим временем, GAG §78 с. Таким образом, возможны варианты перевода: а) «внутри него огонь разжигал, рыб его варил»; б) «внутри него огонь разжигает, рыб его варит»³⁶.

³⁴ В отчете есть некоторые разъяснения по поводу предисловий: «Приходилось рассматривать предисловия и с научной стороны, и со стороны эмоциональной, привлекающей читателя к книге (...) Вместе с тем приходилось оценивать предисловие со стороны его понятности среднему читателю, особенно в народном издании» (см. Алексеев В.М. Наука о Востоке: статьи и документы. М., 1982. С. 254).

³⁵ *Soden W. von. Grundriss der Akkadischen Grammatik. 3. erg. Aufl. Analecta Orientalia. 33. Roma, 1995.*

³⁶ Издатели этого текста переводят настоящим временем: *Fossey C. La Magie Assyrienne. P., 1902. P. 438–439. L. 41 (dans ses profondeurs il allume le feu, ses poissons il les fait cuire); Schollmeyer A. Sumerisch-babylonische Hymnen und Gebete an Šamaš // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums I. Paderborn, 1912. S. 33, 39. Z. 44 (In seiner Mitte entzündet er ein Feuer, seine Fische kocht*

Примечания к текстам Ш. занимают 43 страницы (с. 571–613), т.е. вдвое меньше (!), чем статья самого Ем. Издатель без всякой аргументации заявляет: «В переводах В.К. Шилейко встречаются ошибки (особенно в шумерской части корпуса), а зачастую и примеры поэтической фантазии переводчика. Указывать на такие ошибки в каждом случае не представляется возможным, иначе нужно было бы дать в примечаниях множество новых переводов. Поэтому наиболее спорные и интересные случаи интерпретации оговариваются отдельно, а современные переводы текстов и развернутые комментарии к ним читатель сможет найти в рекомендованных научных публикациях» (с. 578).

Создается впечатление, что Ем. нередко называет ошибками устаревшие чтения и переводы тех или иных слов и выражений. Например, бог-покровитель диких зверей Шаккан у Ш. назван Гирра, в своей статье Ем. это чтение называет «устаревшим» (с. 541, прим. 59), а в примечаниях к «А.-В. Э.» – «ошибочным» (с. 600, прим. 1; с. 602, прим. 2). Устаревшие к настоящему моменту чтения и переводы у Ш. – это не ошибки, а дань времени. А вот использование устаревшего перевода в современной работе, как делает сам издатель, – это действительно ошибка. Например, к слову «душа» в строке Шилейко «душу в гортани ему повяжи ты» (из книги «Злые болезни», с. 208) Ем. делает несколько странное примечание: «Душа (*napištu*)³⁷ помещалась в области рта и в случае смерти выходила оттуда. Чтобы она не вышла, горло следовало перевязать» (с. 603, прим. 3). В современных словарях аккадского языка значение *napištu(m)* определяется как «горло, жизнь, живое существо, средства к существованию, дыхание» и др., но не «душа» (АНw 738; CAD N1 296).

По нашим подсчетам, к текстам Ш. издатель сделал всего 387 примечаний (маловато для работы в 13 559 строк (с. 528) плюс разные дополнения), новые переводы даны в 134 примечаниях, при этом в 72 – даже не приводятся переводимые заново слова или словосочетания древнего текста (с. 583–584, прим. 2–4, 7, 9, 10, 13, 16–20, 22–26, 28–29 и др.), т.е. нет никаких обоснований нового перевода³⁸.

В архиве семьи Лозинских издатель обнаружил еще один вариант перевода поэмы «Хождение Иштар», предназначенный для журнала «Аполлон». В комментарии к «Хождению Иштар» Ем. опубликовал только предисловие и примечания Ш. к этому варианту (с. 591–593), а из самого перевода зачем-то сделал 80 примечаний (с. 594–596, прим. 2–81) к варианту, содержащемуся в «А.-В. Э.» (с. 101–105), например:

В «А.-В. Э.»
Дочь Сина (с. 101)
В темноте (с. 101)
Как птицы (с. 101)
Чтобы вошла я (с. 101)
Возлей (с. 105)
Помажь (с. 105)

В примечаниях у Емельянова
Дочь Сина (с. 594, прим. 3)
Во тьме (с. 594, прим. 7)
Будто бы птицы (с. 594, прим. 8)
Чтобы войти мне (с. 594, прим. 13)
Полей (с. 595, прим. 69)
Умасти (с. 595, прим. 70)

Думается, что публикация полного текста найденного перевода была бы гораздо полезнее, а места заняла бы, вероятно, не намного больше, чем эти примечания.

Неприятное впечатление оставляют такого рода оценки переводов Ш.: «неверное чтение/«неверный перевод»/«неверное понимание» (с. 579, прим. 12; с. 582, прим. 8; с. 589, прим. 1 и др.); «перевод изобилует ошибками и неверными интерпретациями множества строк» (с. 608, прим. 2); «нелогичный домысел переводчика» (с. 590, прим. 3); «фантазия переводчика» (с. 608, прим. 3). Неужели нельзя было выразиться более уважительно и академично, и к тому же более обоснованно?!

er); *Borger R. Das dritte «Haus» der Serie Bīt Rimki (VR 50–51, Schollmeyer HGŠ NR. 1) // Journal of Cuneiform Studies. 1967. 21. P. 8, 14. L. 66 (darin zündet er Feuer an und kocht ihre Fische).*

³⁷ При транскрибировании клинописных текстов Ем. бессистемно прибегает то к латинице, то к кириллице, хотя в мировой ассириологии существует общепринятая система транскрибирования на базе латиницы.

³⁸ Даже при приведении текста нередко нужно доказывать свой перевод. Например, Ем. пишет: «Через семьдесят пять лет после ухода он (Ш. – Г.К.) оказался близок и необходим всем, в ком не угасло чувство сопричастности человечеству и человеческому – тому, что в языке шумеров передавалось сложным существительным *nam-lu-ulū* “судьба человеческого рода”» (с. 469). Шумерское слово *nam-lu-ulū* в примерах из грамматики И.Т. Каневой означает «люди» (с. 57, 83, 117, 127, 170, 197), «население» (с. 98), «жители» (с. 114, 151) (Канева. Ук. соч.). Откуда взял Ем. приводимое им значение, не известно, поскольку ссылки отсутствуют.

В отношении современных, в том числе и собственных переводов Ем. нередко замечает: «правильно»/«правильный перевод» (с. 582, прим. 5; с. 585, прим. 4, 8–11 и др.), «нужно переводить» (с. 580, прим. 9), «должно понимать» (с. 581, прим. 15). Почему «правильно» и «должно», читателю обычно остается неясно.

Издатель не всегда отмечает значительные расхождения между переводами, опубликованными при жизни Ш. и содержащимися в «А.-В. Э.». Например, в надписи Варад-Сина в прижизненном издании: «в этой чистой стене», «годы изобилия»³⁹, а в «А.-В. Э.»: «в этой чистой стране», «воды изобилие» (с. 65, строки 31, 36). В примечаниях к этому тексту никаких пояснений нет (с. 587).

Некоторые специфические тексты, мало вразумительные для неспециалиста, требовали дополнительных комментариев. Например, о «Предсказаниях по рождениям» типа «Если у женщины родится лев... бык... рыба...» (с. 276–277) можно было сообщить, что в древности при описании аномалий у новорожденных использовали сравнение с животными⁴⁰, как это практикуется и в современной медицине⁴¹. В примечаниях к мандейскому тексту (с. 613) уместно было дать справку о мандеях, тем более что есть литература на русском языке⁴².

Наиболее существенным упущением является отсутствие раздела, в котором сообщались бы необходимые сведения по истории, религии и культуре древней Месопотамии с тем, чтобы «А.-В. Э.» был понятен не только ассириологам, но и широкому кругу читателей авторитетной серии «Литературные памятники».

В указателе имен собственных и географических названий (с. 619–638) нередки случаи недостаточной или неточной информации, например: «Гетце А. – востоковед-хеттолог». (В действительности это был выдающийся ассириолог широкого профиля, в частности, замечательный аккадист, а не только хеттолог.) «Иванов Вяч.Вс. – лингвист, историк культур». (Кроме того еще и крупнейший востоковед-хеттолог, что и позволяет ему самым квалифицированным образом судить о научных работах Ш.) «Ишуллану – в аккадской мифологии садовник, соблазненный Иштар». (Наоборот: богиня Иштар соблазняла Ишуллану – с. 362.) «Пиотровский Б.Б. – археолог». (Широко известно, что это был, прежде всего, видный востоковед-египтолог, выдающийся урартолог.) «Струве В.В. – востоковед-египтолог, историк древнего мира». (В действительности еще и крупный ассириолог, шумеролог. Можно предположить, что в своих шумерологических занятиях Ем. не раз имел дело с трудами акад. Струве.)

В заключение следует признать, что долгожданная публикация труда В.К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос», к сожалению, не стала событием в отечественной ассириологии, и вот почему.

1. Авторский текст «Ассиро-вавилонского эпоса» В.К. Шилейко опубликован с подновлениями В.В. Емельянова. Это неприемлемо с точки зрения научной текстологии, не соответствует статусу серии «Литературные памятники» и грифу «Научное издание».

2. «Ассиро-вавилонский эпос» снабжен минимальным комментарием, в котором нет главного – раздела с изложением нужных сведений по истории, религии и культуре древней Месопотамии, чтобы труд В.К. Шилейко был понятен не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей, которому он был адресован в первую очередь.

3. Статья В.В. Емельянова «В.К. Шилейко и его “Ассиро-вавилонский эпос”» представляет собой беллетризованную биографию В.К. Шилейко, в которой слабо освещена его научная деятельность. В ней нет сколько-нибудь полного обзора научных работ В.К. Шилейко, не продемонстрированы выдающиеся достижения В.К. Шилейко в переводах древних литературных (эпических) текстов в сопоставлении с оригиналом, нет содержательной оценки «Ассиро-вавилонского эпоса». Статья содержит целый ряд недостоверных сведений и необоснованных утверждений.

4. Большое сожаление вызывает и то, что В.В. Емельянов не проявил, по нашему мнению, должного уважения к нашим учителям и предшественникам, в том числе и к самому В.К. Шилейко.

Г.Х. Каплан

³⁹ Шилейко В.К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1915. С. 22. Строки 11, 16. Перевод полностью соответствует тексту, опубликованному в транслитерации.

⁴⁰ Leichty E. The Omen Series šumma izbu // Texts from Cuneiform Sources. Vol. IV. Locust Valley–New York, 1970. P. 16–19.

⁴¹ Ср. «губа заячь», «рот рыбий» (вид аномалии в сердце), см.: Большой словарь медицинских терминов. М., 2007. С. 261, 731.

⁴² Мандеи: история, литература, религия / Под ред. А.С. Четверухина. СПб., 2002.